

Антропология города. Вып. 1: Культурные символы и образы в городском пространстве. Этничность и городская идентичность / Под ред. Ю.П. Шабаева, И.Л. Жеребцова. Сыктывкар: Институт ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. 192 с.

В последние два десятилетия предметное поле отечественной этнологии существенно видоизменилось. Эти изменения связаны как с появлением новых методологических подходов к пониманию категории «этничность», так и с самой тематикой этнологических исследований, в которой все большее место отводится ранее не изучавшимся явлениям и процессам, а также изменению подходов к изучению объектов, уже включенных в поле зрения этнологов. Что касается последнего замечания, то оно в полной мере относится к сегодняшним попыткам изучения городских традиций, населения городов как культурных сообществ. Надо признать, что до недавнего времени интерес отечественных этнологов к городу был ограничен. И лишь в последнее время, когда культурная среда городов стала активно изучаться культурологами, социологами и специалистами иных общественных дисциплин, отечественные этнологи, которые ранее других специалистов обратили внимание на городскую культуру, вновь активно занялись городской тематикой.

Свидетельством тому стали не только отдельные публикации, включая монографические работы, но также конференции, посвященные антропологии города, выход в свет специализированных сборников научных трудов. И, наверное, весьма значимым событием, свидетельствующим об изменившемся отношении этнологов к изучению

городов, является издание первого выпуска «Антропологии города» — сборника статей, который подготовлен не в ведущих научных учреждениях страны, а в Институте языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, где сформировался очень дееспособный коллектив этнологов.

В сборнике восемь статей, авторами которых являются исследователи из Апатитов, Архангельска, Казани, Москвы, Перми, Саранска, Сыктывкара и Таллина. За исключением автора из Апатитов, объектом изучения которой являлся город Оленегорск, и Москвы (статья об Элисте), все остальные написали статьи о городах, в которых живут сами. Но и московская участница авторского коллектива тоже писала о родном городе, ибо родом из Элисты. Тем самым авторы рассматривали города с двух позиций: как исследователи конкретного городского поселения, которые наблюдают город как бы со стороны, и как представители изучаемых ими городских сообществ, т.е. как включенные наблюдатели.

Авторские статьи предваряет довольно пространное введение, написанное редакторами сборника. В нем не только уделено внимание истории изучения городов и формированию антропологии города как самостоятельной дисциплины, но и ставятся вопросы касательно того, каким образом сегодня должно строиться этнологическое / антропологическое изучение городской жизни и городской культуры. Авторы введения справедливо замечают, что советские этнографы осуществляли это изучение через традиционные описания типов жилищ, одежды и пищи горожан, городских праздников, а также пытались показать формы проявления «этнической традиции» в отдельных культурно-бытовых средах и при этом выявить «уровень их традиционности». По их мнению, такой подход можно назвать «научной архаикой», поскольку в условиях унификации семейного и общественного быта вряд ли уместно говорить о тесной связи тех или иных элементов культурной среды города с конкретными этническими группами. «В современном городе этническая традиция не является тесно сопряженной с конкретной этнической группой, особенно если рассматривать “отдельные культурно-бытовые среды”, ибо, к примеру, рестораны национальной кухни посещают горожане, которые принадлежат к разным культурным сообществам, а праздник сабантуй празднуется как общегородской праздник. Видимо, гораздо важнее, — подчеркивают Ю. Шабаетов и И. Жеребцов, — понять специфику городской традиции вообще и попытаться охарактеризовать “культурный код” каждого конкретного города, значимые изменения в его культурном ландшафте. Не менее важно понять, каково место этничности в маркировании

культурного пространства современного российского города, в формировании внутригородских культурных границ» (С. 6).

На наш же взгляд, названный выше подход имеет право на существование так же, как и любой иной.

Стоит заметить, что уже во введении научные редакторы как бы снимают с себя ответственность за содержание статей, указывая, что при подготовке сборника его авторы не руководствовались какой-то единой «концептуальной схемой», а были вольны самостоятельно определять общие подходы к описанию культурной среды городов. Но в большинстве статей так или иначе предпринимается попытка определить, какую роль играет этничность в культурной среде современного города.

В этом смысле, пожалуй, наиболее интересны три статьи.

Первая из них написана Ю. Шабаетовым и носит название «Париж, Сайгон и Западный Берлин в одном городе: множественность образов и идентичностей в культурном пространстве столицы Коми». В ней делается попытка проанализировать символическое пространство города, опираясь на анализ категорий *идентичность*, *этничность*, *территориальность* (*культурное пространство*). В статье довольно основательно рассматривается история и культурное пространство Сыктывкара и показан такой интересный феномен, как дифференциация этого пространства по принципу «город в городе», которая основывается не только на пространственной локализации, но и на социальной и культурной географии города, а также на характере идентификации жителей.

Что касается роли этничности, то автор делает, видимо, спорное замечание о том, что в Сыктывкаре как столице национальной республики городской текст вторичен, а первичен текст коми культуры. При этом для производства, воспроизводства и манифестации этничности существуют, по его мнению, вполне благоприятные условия, поскольку этничность проявляет себя как на индивидуальном, так и на институциональном уровне (что естественно, поскольку в республиканской столице имеется достаточно много культурных институтов, чьи функции связаны с презентацией этничности). Столица Коми расположена в центре этнической территории коми народа, и окружающие ее сельские районы — это районы с преимущественно коми населением. Поэтому не случайно, что в восприятии сельских коми Сыктывкар — это главный город и естественный центр притяжения, что очень хорошо прослеживается при анализе языкового материала. Вместе с тем в этом городе коми составляют ныне лишь четверть жителей, хотя еще в 1930-е гг. они были большинством. В условиях горо-

да происходит активная языковая ассимиляция, и большая часть коми горожан в семье пользуются русским языком, а дети в однонациональных городских коми семьях не владеют или плохо владеют языком родителей, многие из них склонны к смене этнической идентичности. В такой ситуации сегодня разворачивается борьба за символическое пространство города, цель которой состоит в придании ему «национального колорита». «При этом усматривается очевидное желание использовать визуальные “этнические маркеры” не для фиксации границ локального культурного пространства группы, а для демонстрации символической культурной иерархии групп, к которой стремятся некоторые лидеры и идеологии этнических организаций, призванных представлять интересы сообществ, именем которых названы российские республики» (С. 28), — подчеркивает автор. Названное стремление во многом определяется не собственно городскими реалиями, а той формой восприятия республиканского социума, которой придерживаются местные власти и этнические антрепренеры.

И все же в данной статье ощущается явный дефицит внимания к анализу как индивидуальных образов городского пространства, так и к индивидуальным представлениям горожан о роли этничности в городском социуме. Она более рассматривается как групповой признак и групповой маркер.

Не менее показательно то, каким образом осуществляется этнизация культурной среды столицы Калмыкии Элисты. Автор статьи «Элиста: национальные символы в пространстве города» является известная московская исследовательница Эльза-Баир Гучинова. Элиста — единственный город Калмыкии. В отличие от столицы Коми, которая получила статус города в конце XVIII столетия, она стала городским поселением лишь в годы Советской власти — в 1930 г. Но так же, как и в Коми, характеризовать культурную среду столицы республики без соотнесения ее с современной историей калмыков и этничностью невозможно. Более того, как замечает автор статьи, «в наши дни, когда сельское хозяйство республики находится в упадке и новые рабочие места открываются в основном в Элисте, она становится в некотором смысле и самой Калмыкией» (С. 46).

Тот факт, что Элиста является «лицом» Калмыкии, стал одним из стимулов к конструированию ее нового культурного облика, который, по мысли местных идеологов, должен был отражать как культурную специфику региона, так и некие культурные и политические притязания элиты республики. И хотя это конструирование строилось на концепте «восточной культуры», в реальности оно представляло собой стихийный синтез

западных и восточных культурных традиций, что нашло отражение, к примеру, в новом гербе и флаге города: «В описании [герба. — В.С.] упоминается метод — восточный стиль как способ репрезентации народных символов. Это уточнение как раз и есть свидетельство неестественности, искусственности восточного, нарочитой стилизации “под Восток”. При этом каноны западной культуры для авторов естественны: даже форма геральдического щита восходит к тяжелым средневековым рыцарским аналогам и далека от легкого круглого щита монгольской конницы. Белый шелковый шарф — хадак — по форме напоминает пергаментные свитки Западной Европы, двери кибиток закрыты, что бывало только во время тяжелой болезни, родов или смерти хозяев. Конструирование традиции произвольно и небрежно оперирует цветовой символикой и историческим воображением. Такое же незнание традиции или неосознанное воспроизведение западных культурных стандартов проявляется в изобретении городского флага. Даже размер его — прямоугольное полотнище — отличается от принятых среди монголов квадратных флагов» (С. 47–48).

Не только символика, но и сама городская архитектура была ориентирована на местную конструкцию «восточного стиля». Облик Элисты стал преобразовываться в соответствии с заявленным культурным канонem, и здесь появились формы архитектуры центрально-азиатского или китайского образца. На центральной площади им. Ленина, как пишет Э. Гучинова, соорудили Золотые Ворота и Арку, похожие на конструкции Чайна-таунов американских мегаполисов. Подобные постройки не существовали в калмыцкой культуре, и переводчикам было трудно перевести название «Золотые Ворота». Поскольку в калмыцком языке слово «ворота» отсутствует, вместо «ворот» сооружение называли по-калмыцки «Алтн Босх» («золотое строение»). Более приближена к калмыцкой традиции городская скульптура, значимая часть которой — эпические и мифологические герои.

Усилиями городских властей, как замечает автор, был создан «встречный ориентализм» — эклектичный стиль, рассчитанный на ориентальные представления европейского человека. Но названный стиль прочно связан с культурными ориентациями самих современных калмыков, в том числе и элистинцев. «Отлученные в советские годы от религии, от старого письма и памятников на этом письме, элистинцы получали образование на русском языке и в формате советских ценностей, становясь во многом носителями западно-ориентированных взглядов, и иначе представлять Азию не могли» (С. 61).

При этом стремление к экзотизации культурного пространства города, как полагает Э. Гучинова, есть форма позиционирова-

ния, с помощью которой власти республики отстаивают право региона на особость, на то, чтобы быть полноценным субъектом Российской Федерации. Культурный облик города во многом зависит именно от вкусов и желаний властной и интеллектуальной элиты, для которой этничность становится ресурсом власти.

Однако Гучинова, как и предыдущий автор, не пытается строить описание культурного ландшафта города, отталкиваясь от личности горожанина. При всей колоритности материала, характеризующего городское культурное пространство, никак не рассматривается индивидуальное восприятие этого пространства, индивидуальные культурные ориентации горожан, что существенно обогатило бы понимание культурной среды современной Элисты.

Третья статья, которая привлекает внимание читателя, — это статья пермского историка П. Корчагина и этнолога А. Черных «“О Пермь, чудесная ты Пермь, культурных полная тревожностей...”»: очерки антропологии города». В отличие от Сыктывкара и Элисты, которые не отличаются большой численностью населения и не могут считаться крупными промышленными центрами, Пермь еще в досоветский период была и губернским центром, и довольно крупным городом с развитой индустриальной культурой, символом которой стали знаменитые мотовилихинские заводы. При этом Пермь возникла и развивалась как «русский» город, который, однако, всегда имел в составе населения довольно значительные группы татар, башкир и представителей других этнических групп. Более того, в формировании городской культурной среды и городских традиций существенную роль сыграли поляки, немцы, евреи. И уже в XIX в., несмотря на полное доминирование русского населения, город стал многоэтничен и поликонфессионален. В начале XX в. Пермь в числе первых городов стала принимать азиатское население — перемещенных сюда японцев, китайцев, корейцев. Не случайно в Перми не было межнациональных конфликтов и еврейских погромов. «“Прививка толерантности” пермяков, — пишут авторы, — связана с тем, что в городе всегда соседом был поляк, татарин, немец, еврей» (С. 136).

Будучи городом с глубокими традициями, Пермь не могла не иметь собственной мифологии. Пермское городское мифотворчество авторы статьи делят на два периода, первый из которых пришелся на эпоху промышленной революции, а второй — на эпоху активной городской застройки в советские годы, но они подчеркивают, что рождение городских мифов продолжается и сегодня. Наиболее распространенным в пермской мифологии является сюжет строительной жертвы. Но ав-

торы явно недостаточно внимания уделили современному городскому мифотворчеству, которое связано не только с городским фольклором, но и с попытками местных интеллектуалов осмысливать городской текст.

Говоря о роли этнического фактора в советский период, П. Корчагин и А. Черных указывают, что она «то усиливалась, то уменьшалась в общественном контексте города» (С. 137), но как прежде, так и ныне не наблюдалось «статусного неравенства разных этнических групп». Более того, сегодня, как подчеркивают авторы, «не различаются возможности для политической и бизнес-карьеры, при устройстве на работу, получении образования. Материалы социологических исследований показывают, что во всех этнических группах, проживающих в городе, преобладает ориентация на равноправное сотрудничество представителей различных народов» (С. 143).

Что касается городской идентичности, то она меняется, поскольку если прежде город воспринимался как «речной», как город на большой реке и вся его жизнь была тесно связана с Камой, то нынче «жизнь города уходит в другие пространства» (С. 148), в связи с чем в Перми идет поиск новых культурных ориентиров и новых культурных измерений.

В содержательном плане к трем названным статьям тесно примыкает и статья о Казани, написанная профессором кафедры археологии и этнографии Казанского университета Г. Столяровой и казанскими историками Н. и С. Рычковыми. Помимо анализа динамики этнического состава населения города авторы обстоятельно рассмотрели «лингвистический ландшафт города» с точки зрения его лингвистической маркированности. Они показали, что «в лингвистическом пространстве Казани проявляются противоречия между процессами этнического ренессанса и коммерческими интересами субъектов рынка (как тех, кто формирует предложение, так и тех, кто формирует спрос), между требованиями федерального, регионального законодательства и трудностями их реализации на муниципальном уровне. В коммерческом секторе публичного пространства языковая ситуация в основном не соотносится с законом о двуязычии и уровнем спроса на этничность. Мультиязычие с трудом пробивает себе дорогу из-за экономической нецелесообразности, иногда реальной, иногда кажущейся, и обычного консерватизма общества» (С. 78).

К данной статье можно предъявить ту же претензию, что и ко всем другим статьям сборника: предлагая обстоятельную характеристику городской культурной среды, этнического состава жителей города, авторы очень мало говорят о самих горожанах — казанцах.

В статье научного сотрудника Центра гуманитарных проблем Баренц-региона О. Змеевой, посвященной стандартному описанию одного из городов на Кольском полуострове — Оленегорска, — не только рассматривается история и культурная среда этого небольшого промышленного города, но делается акцент на том, какую роль в городском пространстве играет тема «саамов и оленей», ибо данный город расположен относительно недалеко от «столицы» кольских саамов — села Ловозеро.

В небольшой по объему статье профессора Мордовского пединститута А. Мартыненко рассматривается, как менялась архитектурная среда Саранска в советские годы и какие изменения произошли в этнокультурном облике города в последние десятилетия.

Несколько выпадает из общей тематики изложения и анализа статья архангельских ученых Л. Поповой и Н. Теребихина «Образы “Акрополиса” и “Некрополиса” в сакральном ландшафте Архангельска». В ней делается попытка дать картину общей культурной среды Архангельска, но основное внимание все же здесь уделено описанию архангельских городских кладбищ.

Несомненный интерес у специалистов должна вызвать статья таллинского исследователя, магистра философии и руководителя НКО «Мир Культуры» И. Никифорова «Антропология русского населения Таллина: исторический габитус и семиотическая организация городского пространства».

Автор в самом начале статьи подчеркивает, что «самая распространенная среди жителей Таллина фамилия — Иванов» (С. 154). Между тем русское население Таллина в эстонской публицистике порой воспринимается как некая абстракция, поскольку оно разнородно, не имеет явно выраженной общинной структуры, лидеров и институтов, хотя эстонские маркетологи и политики воспринимают русское население Таллина как системно организованное множество индивидов. Исследователь ставит своей задачей «антропологическое описание русского населения Таллина как своего рода невидимого меньшинства» (С. 156). В статье довольно подробно рассматривается история формирования русского населения столицы Эстонии, показана его меняющаяся роль в экономической, политической и культурной жизни города, но более существенное внимание уделено семиотике городского пространства и политике исторической памяти. Автор отмечает, что уже после присоединения Эстонской республики к СССР «история русского меньшинства в Таллине стала почти невидимой, маргинальной и корпоративной» (С. 170), а последующая политика «коренизации» способствовала превращению этнично-

сти в городе в важный политический и символический ресурс, что сразу же дало о себе знать после восстановления государственной независимости, когда началась «семиотическая борьба памятников» и завоевание семиотического пространства города доминирующей культурной группой. При этом, как замечает И. Никифоров, «непосредственная историческая коммуникация поколений русского меньшинства дореволюционного Ревеля и современного Таллина за прошедшие сто лет была практически утрачена, но по сей день дает о себе знать в семиотической организации города. Воссоздаваемый меньшинственный габитус ассимилирует пространственную маркировку города благодаря хорошо сохранившимся объектам материальной культуры, гражданской и промышленной архитектуры <...>.

Публично невидимый статус отражает распределение власти и подчинения, легитимизирует национальный характер государства и его элит. Русское меньшинство, лишённое большинства пространственных маркеров, атомизируется, возникает проблема «общинных лидеров», пространство коммуникации виртуализируется. В реальном пространстве этнически значимыми символами в настоящее время остаются православные церкви, школы с русским языком преподавания и ряд памятников, связанных с национальной историей. Официальное же городское пространство в рамках господствующей этнополитики служит скорее границей, нежели интеграционным мостом, способствуя как ассимиляции меньшинств, так и их обособлению» (С. 184).

Конечно, отсутствие некой «общей схемы» или общего подхода к анализу культурной среды городов сказалось на том, что статьи сборника заметно различаются и по объёму привлекаемых материалов, и по глубине «антропологического осмысления» городской культуры. Вместе с тем очевидно, что, начиная большой и важный проект, его инициаторы не могли и не хотели как-то ограничивать авторские подходы к анализу городской жизни. При этом надо признать, что, несмотря на высказанные замечания, какой-то неудовлетворенности после прочтения всех статей сборника не испытываешь. Большинство из них содержательны, а авторское прочтение городских текстов, авторский подход к анализу культурной среды описываемых городов весьма интересны. Но самое главное, что отечественные исследователи, похоже, получили именно ту дискуссионную трибуну, которой до сих пор не хватало исследователям города.

Виктор Семенов